

УЧЕНІЕ

О НЕСМЕРТЕЛЬНЫХЪ ПОВРЕЖДЕНІЯХЪ,

ПО РУССКИМЪ ЗАКОНАМЪ.

ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ
ВЛ. СНИЩЕРЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
(Вас Остр., 9 л., № 12)
1869.

(Извлечено изъ: Арх. суд. медиц. и общественной гигиѣны. № 4, 1869 г.)

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, октября 15-го дня, 1869 года.

Все, что въ новѣйшихъ законахъ говорится о смертельности нанесенныхъ ранъ, о различіи убійства преднамѣреннаго и безъ намѣренія, объ увѣчьяхъ и ихъ степеняхъ, объ отравленіи, дѣтоубійствѣ, умышленномъ выкидышѣ, показываетъ, что большинство законодателей совершенно не знакомо съ состояніемъ судебной медицины.

Миттермайеръ.

Несогласіе врачей и юристовъ въ области суда и ихъ взаимное недовольствіе другъ другомъ сдѣлалось чѣмъ-то банальнымъ, избитою вещью, на которую, кажется, скоро перестанутъ обращать вниманіе. Тѣмъ не менѣе это — фактъ, и рѣдкій изъ авторитетовъ, какъ криминалистовъ, такъ и судебныхъ врачей, не останавливался передъ нимъ, чтобы попытаться уловить и опредѣлить исходную точку для возстановленія нарушенной гармоніи.

При каждомъ столкновеніи на практическомъ поприщѣ, при каждомъ теоретическомъ обсужденіи того или другаго вопроса, въ томъ или другомъ лагерѣ непремѣнно возникаютъ жалобы на противоположный лагерь. Судебные врачи недовольны спросомъ со стороны судей, судьи недовольны предложеніемъ со стороны врачей. Судьи находятъ, что помощь врачей-экспертовъ въ отправленіи правосудія далеко не всегда такова, какою она быть должна: отвѣты слишкомъ уклончивы, мнѣнія черезъ-чуръ условны и эластичны; врачи же, въ свою очередь, жалуются на слишкомъ большія требованія со стороны судей, на условность и фиктивность нѣкоторыхъ юридическихъ понятій и представленій, для которыхъ, однако же, судьи ищутъ и требуютъ поддержки и опоры въ такой реальной наукѣ, какова судебная медицина, и, наконецъ, на требованіе ими категоричности тамъ и въ такихъ случаяхъ, когда наука не даетъ къ тому никакихъ основаній. Такое взаимное недовольство въ лицѣ нѣкоторыхъ представителей перешло даже въ полный разрывъ, выразившійся въ извѣстномъ афоризмѣ извѣстнаго ученаго: *пусть судья спрашиваетъ что хочетъ, врачъ долженъ отвѣчать то, что можетъ.* (Касперъ.) Жалобы раздаются тѣмъ чаще и сильнѣе, чѣмъ большія права заявляетъ наука, чѣмъ вѣрнѣе и врачи и юристы начинаютъ по-

нимать и относиться къ дѣлу, потому что только полное знакомство съ дѣломъ и способно подмѣтить и указать несостоятельныя его стороны.

Одинакія причины всегда производятъ одинаковое дѣйствіе. Толчокъ, данный судебною реформой нашей юриспруденціи и судебной медицинѣ, болѣе рациональныя условія дѣятельности на судебномъ поприщѣ представителей обѣихъ этихъ наукъ, обнаружилъ и у насъ разладъ въ воззрѣніяхъ и точкахъ отправленія тѣхъ и другихъ. Но къ чести нашихъ юристовъ и врачей должно сказать, что они не ограничились безплодными и утомительными спорами о размежеваніи, не остановились на однихъ жалобахъ на стѣсненіе однихъ другими, а сразу и дружно обратились къ изученію и выясненію причинъ такого положенія вещей.

Задача знанія, какъ извѣстно, заключается въ томъ, чтобы постоянно сличать дѣйствительность, какъ она есть, съ образуемыми въ нашемъ умѣ понятіями о ней, въ непрестанной критикѣ и обновленіи этихъ понятій. Тѣ и другіе принялись за научную провѣрку и разработку разныхъ понятій и терминологіи, усвоенныхъ нашимъ уголовнымъ законодательствомъ. Сбивчивость и неопредѣленность разныхъ принятыхъ въ законѣ терминовъ обуславливаетъ собою ихъ различное пониманіе и примѣненіе, и возбуждаетъ безконечныя сомнѣнія въ ихъ примѣненіи. Такъ, юристы жалуются на неопредѣленность такихъ медицинскихъ терминовъ въ законѣ, какъ: «безумный», «сумасшедшій», «помѣшанный», «умалишенный»¹⁾; врачи же указываютъ на невозможность разграниченія такихъ понятій, каковы: «поврежденіе здоровья», «вредъ здоровью», «разстройство здоровья», «поврежденіе въ тѣлесныхъ способностяхъ» и т. п.

Замѣшательство еще болѣе увеличивается самими законами, вслѣдствіе разновременности ихъ изданія, отчего они трактуютъ розно объ одномъ и томъ же предметѣ, но по различнымъ вѣдомствамъ. Такъ, напр., въ сводѣ военныхъ постановленій, продолжавшемъ дѣйствовать до 1868 года, ранами назывались «язвы, наносимыя снаружи»; раной признавалось также, «когда кто-нибудь бьетъ другаго до багровыхъ пятенъ, или вырываетъ волосы». Между тѣмъ уголовное уложеніе изданія 1845 года специализировало не смертельныя поврежденія уже на болѣе научныхъ началахъ: «когда кто бьетъ другаго до «багровыхъ пятенъ» названо «побоями», «вырываніе волосъ» вошло въ понятіе объ «истязаніяхъ». Все это, само собою, не способствуетъ выработкѣ и установленію твердыхъ, опредѣленныхъ понятій.

Однимъ изъ главныхъ камней преткновенія для нашихъ судей и судебныхъ врачей, одинаково какъ прежде, такъ и теперь, является ученіе, по нашимъ законамъ, о несмертельныхъ поврежденіяхъ. Преступленія этого рода,

¹⁾ О разработкѣ и установленіи русской юридической терминологіи. Журн. Мин. Юст. 1864. № 1.

являясь сравнительно чаще, вслѣдствіе извѣстныхъ условій общежитія, ставятъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ въ весьма неопредѣленное положеніе. Судьи затрудняются въ опредѣленіи соразмѣрнаго наказанія и значенія указанныхъ закономъ моментовъ, опредѣляющихъ важность поврежденія, и потому сваливаютъ окончательное заключеніе на судебныхъ врачей, требуя отъ нихъ категорическаго опредѣленія, принадлежитъ ли данное поврежденіе къ установленнымъ закономъ степенямъ: «легкихъ» или «тяжелыхъ»; судебные же врачи, не имѣя въ законѣ точнаго опредѣленія того, что онъ признаетъ за поврежденіе «тяжкое», а что за «легкое», тоже, въ свою очередь, чувствуютъ себя стѣсненными въ этомъ отношеніи, и не находя въ законѣ твердыхъ опредѣленій для подобныхъ категорій, при которыхъ, т. е. опредѣленіяхъ, только и возможна объективность въ обсужденіи факта, устанавливаютъ ихъ произвольно. Заключеніе врача выходитъ не болѣе какъ его личнымъ мнѣніемъ, которое, однакоже, судъ принимаетъ безапелляціонно. Въ не меньшее затрудненіе ставятся врачи самою разнородностью вопросовъ въ этомъ отношеніи, со стороны судей: одинъ, напр., спрашиваетъ о «легкости» и «тяжкости» поврежденія, другаго болѣе интересуется его «излѣчимостью» или «неизлѣчимостью», а третій считаетъ достаточнымъ для себя знать только «опасно» ли оно, или «не опасно». И для такихъ разнородныхъ вопросовъ дано полное основаніе въ законѣ.

Вслѣдствіе отсутствія руководительныхъ началъ, за исключеніемъ личнаго воззрѣнія, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ одно и то же время, одно и то же поврежденіе, при одинаковости всѣхъ остальныхъ условій, на пространствѣ нашего обширнаго отечества является въ разныхъ видахъ: въ Эривани, «тяжкимъ», въ Варшавѣ «легкимъ», въ Якутскѣ «опаснымъ», въ Петербургѣ «излѣчимымъ». Все зависитъ отъ врача, какихъ онъ взглядовъ и какого темперамента. Нерѣшительность и робость внесутъ въ заключеніе одинъ характеръ, смѣлость и энергичность—другой. Таксація преступленія, такимъ образомъ, должна стать въ зависимость отъ индивидуальныхъ свойствъ врача. Говоря это, я далекъ отъ того, чтобы требовать отъ законодательства точнаго опредѣленія всѣхъ видовъ поврежденій и соотвѣтственныхъ имъ наказаній. Такая система, какъ мы увидимъ ниже, прежде существовала, но оставлена по своей несостоятельности. Я указалъ на это собственно съ тѣмъ, чтобы раскрыть всѣ условія ненормальнаго положенія занимающаго насъ дѣла.

Впрочемъ, оно въ такомъ положеніи не у однихъ насъ. Неудовлетворительность законовъ относительно тѣлесныхъ поврежденій чувствуется вездѣ, какъ криминалистами, такъ и судебными врачами. Такъ, жалобы на прусское уложеніе 1851 года раздавались и въ теоріи и на практикѣ, и со стороны юристовъ и со стороны врачей; также точно и по поводу австрійскаго уголовного уложенія. Причиной этому считаютъ ученыхъ криминалистовъ,

которые относятся къ ученію о тѣлесныхъ поврежденіяхъ какъ-то индифферентно. «Между тѣмъ, говоритъ Бернеръ, какъ о всѣхъ почти другихъ преступленіяхъ написано не мало сочиненій, замѣчательныхъ своею полнотою и подробностью (въ ученіи о кражѣ, напр., нѣтъ ни одного вопроса, который не былъ бы тщательно изслѣдованъ), въ то же время, по отношенію къ тѣлеснымъ поврежденіямъ приходится довольствоваться лишь немногими статьями, не имѣющими практической важности и недостаточными для разрѣшенія вопросовъ, возникающихъ въ жизни»¹⁾. Неудовлетворительность въ этомъ отношеніи русскаго уголовнаго закона чувствовалась давно, но какъ сознательный актъ явилась только въ послѣднее время, съ введеніемъ судебной реформы. Въ разработкѣ этого вопроса самое дѣятельное участіе принадлежитъ врачамъ, самое большее вниманіе ему оказали они. Въ то время, какъ мы можемъ указать на цѣлый рядъ статей о поврежденіяхъ въ судебно-медицинскомъ отношеніи²⁾, со стороны нашихъ юристовъ мы не можемъ указать хотя бы на одинъ спеціальнѣйшій трактатъ по этому вопросу, а между тѣмъ и они, въ качествѣ судей, наравнѣ съ врачами, должны чувствовать и нести такую же тягость неопредѣленности и разнорѣчія законоположеній въ практическомъ ихъ приложеніи. При новомъ положеніи судей, отъ нихъ требуется сознательное отношеніе къ своему дѣлу и задачамъ. Чтобы имѣть возможность опредѣлить степень вины, а слѣдовательно, примѣнить то или другое наказаніе, судья долженъ озаботиться о томъ, чтобы получить цѣлостное понятіе о данномъ преступномъ дѣйствіи, разобрать данный случай во всѣхъ его подробностяхъ. Онъ долженъ знать, что хотя оцѣнка нѣкоторыхъ моментовъ внѣшней (объективной) стороны и предоставляется такъ-называемымъ свѣдущимъ людямъ, но окончательное заключеніе, подведеніе преступленія подъ ту или другую категорію, съ цѣлью опредѣленія соразмѣрнаго наказанія, все-таки принадлежитъ ему. Между тѣмъ, въ вопросахъ о несмертельныхъ поврежденіяхъ, на практикѣ, строгая граница между судьей и врачомъ обыкновенно нарушается. И это, впрочемъ, тоже не у однихъ насъ. Въ Пруссіи — то же самое, и тамъ опредѣленіе «важности» поврежденія затрудняетъ и судей и врачей, такъ что они сваливаютъ другъ на друга окончательное рѣшеніе этого вопроса³⁾.

¹⁾ О тѣлесныхъ поврежденіяхъ. Журн. Мин. Юст. 1866 г., № 9.

²⁾ 1) Проф. Заблоцкій. Разсмотрѣніе поврежденій въ судебно-медицинскомъ отношеніи. Военно-медицинскій журналъ 1851 и 1852 г.

2) Проф. Эргардтъ. О поврежденіяхъ. Современная медицина.

Проф. Самсонъ фонъ-Гиммельштирнъ. О судебно-медицинской задачѣ при изслѣдованіи тѣлесныхъ поврежденій на живыхъ, по нынѣ дѣйствующимъ русскимъ законамъ. «Архивъ суд. мед.» 1865. № 4.

Д-ръ Остроглазовъ. О несмертельныхъ поврежденіяхъ. «Арх. суд. мед.» 1865. № 3. О затрудненіяхъ судебныхъ врачей въ опредѣленіи различныхъ видовъ несмертельныхъ поврежденій, обозначенныхъ въ русскихъ законахъ. «Арх. суд. мед.» 1868. № 2.

³⁾ Бернеръ, I. с.

Для гармоніи суда, для пѣлесообразности наказанія, какъ общественной реакціи противъ нарушителя его правъ, вовсе не безразлично, какія отношенія между судьями и врачами установить юридическая практика. Необходимо, чтобы отношенія эти слагались въ строго опредѣленныхъ чертахъ, чтобы роли тѣхъ и другихъ не смѣшивались между собою, и чтобы точное и опредѣленное пониманіе вѣрно очерчивало ихъ цѣли и задачи. Въ виду этого не безъинтересно разсмотримъ ученіе нашего уголовного закона о несмертельныхъ поврежденіяхъ. Приведеніе въ систему различныхъ воззрѣній его на этотъ предметъ, въ примѣненіи къ современнымъ взглядамъ и требованіямъ науки, прольетъ нѣкоторый свѣтъ на существующій въ немъ хаосъ разныхъ опредѣленій, дѣленій, подраздѣленій и распредѣленій, и тѣмъ дастъ возможность ориентироваться въ немъ, какъ судебнымъ врачамъ, такъ и юристамъ. Такой трудъ можетъ послужить исходною точкой для разработки иныхъ началъ, на которыхъ должно установиться ученіе о несмертельныхъ поврежденіяхъ. Но прежде, чѣмъ приступить къ этому, я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ общихъ причинахъ, которыя порождаютъ у насъ взаимное стѣсненіе судей и врачей. Обстоятельство это имѣетъ существенное значеніе и въ отношеніи разсматриваемаго нами вопроса. Знаніе причинъ поможетъ устранить ихъ послѣдствія.

Хотя у насъ и давно уже формально признана необходимость изученія судебной медицины для юристовъ — учрежденіемъ кафедръ судебной медицины въ юридическихъ факультетахъ и училищѣ правовѣдѣнія, тѣмъ не менѣе судебная реформа съ очевидностью раскрыла громаднѣйшій пробѣлъ въ знаніяхъ нашихъ судей по этой части. И это-то, по моему мнѣнію, и служитъ главнымъ и чуть-ли не единственнымъ источникомъ затрудненій на практикѣ. Всѣ элементы суда, начиная съ слѣдователей, прокурорскаго надзора, адвокатуры и оканчивая судьями, далеко не вполне постигаютъ, какъ показываетъ практика, значеніе и важность судебно-медицинскихъ заключеній въ системѣ прочихъ судебныхъ доказательствъ.

Матерьялъ, который передается судомъ на разсмотрѣніе и заключеніе врача, изъ котораго тотъ долженъ построить свое мнѣніе, существеннымъ образомъ зависитъ отъ свойства и способа разслѣдованія дѣла. Судебный слѣдователь долженъ знать на что, какъ и въ какой степени онъ долженъ обратить вниманіе, и какіе моменты дѣла представляютъ особую важность для экспертизы и построенія мнѣнія экспертомъ. Это послѣднее находится въ прямомъ отношеніи къ предварительному слѣдствію, его полнотѣ и обстоятельности. Только чрезъ это врачъ и дѣлается способнымъ предлагать удовлетворительные отвѣты на всѣ вопросы, вытекающіе изъ дѣла и относящіеся къ разъясненію факта. Чѣмъ тоньше произведено предварительное слѣдствіе, тѣмъ заключеніе врача будетъ солиднѣе и основательнѣе. Отчего, напр., наша экспертиза психопатій, въ весьма исключительныхъ только случаяхъ, отли-

чается полнотой и всесторонностью? По моему мнѣнію, отъ того, что экспертъ получаетъ слишкомъ недостаточный матерьялъ изъ рукъ слѣдователя, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, не знаетъ, что нужно и важно въ этомъ случаѣ для эксперта. Рѣдко въ мнѣніе врача входятъ сполна всѣ необходимые элементы. Большею частью оно ограничивается данными изъ личнаго наблюденія и изъ обстоятельствъ преступленія, да и то крайне поверхностно обслѣдованныхъ. На біографическія свѣдѣнія о преступникѣ, его характеръ, склонности, привычки и прочія обстоятельства, слѣдователями обыкновенно не обращается вниманія. Отъ того-то у насъ обвиненіе и наказаніе психически-больнаго не составляетъ особой рѣдкости.

Судебный слѣдователь долженъ на столько владѣть свѣдѣніями въ судебной медицинѣ, чтобы знать, какіе изъ извѣстныхъ ему данныхъ и обстоятельствъ дѣла вытекаютъ существенные вопросы, какіе должны быть предложены врачу, и рѣшеніе которыхъ часто впослѣдствіи дѣлается уже невозможнымъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ самый объектъ изслѣдованія подлежитъ уничтоженію. Между тѣмъ, практика показываетъ, что слѣдователи или совершенно предоставляютъ врачамъ ставить и рѣшать вопросы, какіе имъ заблагоразсудится, и какіе они могутъ поставить на основаніи имъ извѣстныхъ данныхъ, всегда не полныхъ и отрывочныхъ, въ сравненіи съ тѣми, которыми владѣетъ слѣдователь, или же этотъ послѣдній рутинною практикой вырабатываетъ для себя извѣстную формулу общихъ вопросовъ, нисколько не обнимающихъ собою и не выясняющихъ конкретнаго случая и присущихъ ему особенностей. Чтобы спросить, надобно знать какъ и о чемъ спросить. Жалобы на это со стороны врачей постоянны, и притомъ совершенно справедливы и законны. Но въ тѣхъ средствахъ, какія предлагаются ими для устраненія этого, допускается компромиссъ. Предполагается совершенно достаточнымъ сочинить въ руководство судебнымъ слѣдователямъ вопросы для каждаго вида и рода судебно-медицинскаго изслѣдованія, такъ, чтобы стоило только заглянуть въ такое руководство, чтобы поставить цѣлесообразные, приличные случаю вопросы. Такую мысль нельзя назвать блестящею. Хлопотать о формулированіи для слѣдователей вопросовъ, какіе тѣ должны предлагать врачамъ-экспертамъ, по нашему мнѣнію, все равно, что гоняться за собственною тѣнью. Обстоятельства преступленій разнообразны какъ самая жизнь. Предвидѣть и уловить ихъ выше силъ человѣческихъ. Ограничиваться же формулированіемъ вопросовъ только въ общихъ чертахъ — значитъ, хлопотать о вредѣ вмѣсто пользы. Подобныя формулы уже существуютъ въ нашемъ законѣ и, кромѣ вреда, ничего не приносятъ. Подмѣтитъ то или другое обстоятельство или черту даннаго случая и поставитъ вытекающій изъ него вопросъ, есть дѣло вполне конкретное, зависящее отъ того, насколько слѣдователь владѣетъ тонкостью анализа и критическою способностью подмѣчать существенныя явленія и причинную связь между

ними. Все это дается однимъ только общимъ развитіемъ, въ которомъ судебно-медицинскія познанія слѣдователя играютъ весьма важную роль.

Съ неменьшею очевидностью видѣнъ пробѣлъ въ знаніяхъ и со стороны прокурорскаго надзора и защиты, въ выясненіи ими разныхъ сторонъ и моментовъ судебно-медицинскаго заключенія при судебномъ слѣдствіи. Не владѣя достаточнымъ навыкомъ въ обращеніи съ этимъ судебнымъ доказательствомъ, наравнѣ съ прочими, стороны большею частью оставляютъ его безъ достаточнаго разъясненія его внутренней доказательной силы и значенія. Такое положеніе вещей вліяетъ на то, что судебно-медицинское мнѣніе никогда не можетъ быть усвоено присяжными сознательно, войти полною дозой въ ихъ нравственное убѣжденіе и явиться однимъ изъ мотивовъ вердикта. На этотъ послѣдній несравненно большее вліяніе оказываютъ другія доказательства, съ одной стороны, какъ всегда болѣе разъясненныя на судѣ, а съ другой, какъ болѣе доступныя пониманію. Между тѣмъ, въ сущности, на судебно-медицинское заключеніе, какъ доказательство, черпаемое изъ спеціальной области, и должны быть сосредоточены всѣ усилія суда, съ цѣлью разъясненія и ассимилированія его присяжными. Черезъ это заключеніе врача эксперта всегда какъ-то затеривается среди остальныхъ судебныхъ доказательствъ. Въ случаяхъ же, когда оно принимается судомъ и мотивируетъ вердиктъ, оно всегда скорѣе авторитетно и подобострастно, чѣмъ критически и сознательно.

Мнѣніе, по которому, будто бы, защитникъ, какъ не спеціалистъ, не можетъ входить въ оцѣнку судебно-медицинскаго мнѣнія, врядъ ли справедливо и вообще и съ точки зрѣнія закона. Вообще оцѣнка силы доказательствъ заключается уже въ существѣ обязанностей защиты, составляетъ суть института адвокатуры. Если же это такъ, — а это непременно такъ, — то нѣтъ никакихъ основаній изъ общей суммы судебныхъ доказательствъ выдѣлять мнѣніе врача-эксперта и ставить его какимъ-то неприкосновеннымъ. На судѣ подаются мнѣнія не одними врачами, какъ «свѣдущими людьми», но и всякими другими техниками и учеными, стало быть если изолировать заключеніе врача, какъ спеціальное, то необходимо изолировать и всѣ остальные мнѣнія «свѣдущихъ людей». Между тѣмъ, судъ и защита свободно входятъ въ оцѣнку этихъ послѣднихъ въ силу общаго представленія ихъ о данномъ предметѣ, составленнаго на основаніи прежде видѣннаго и слышаннаго ими. Въ этомъ смыслѣ высказываются и авторитеты юристы, каковъ напр. Миттермайеръ. Слѣдующимъ образомъ онъ очерчиваетъ область судебной защиты и ея отношенія къ мнѣніямъ «свѣдущихъ людей»: «Относительно заключенія свѣдущихъ людей защитникъ можетъ представить новыя доказательства, и на основаніи ихъ требовать изслѣдованія такихъ обстоятельствъ, которые указываютъ на отсутствіе одного изъ условий, необходимыхъ для доказательной ихъ силы; въ особенности защитникъ